

Органическая программа в истории русской герменевтики XIX века*

Выдвигается тезис о том, что в русской философской традиции XIX в. герменевтические установки наиболее полно и ясно выражены в программных статьях Аполлона Григорьева и последователей его «органической критики». Программа органического понимания строится на отказе от любых глобально-теоретических объяснительных схем («однолинейных теорий», по слову Г.С. Померанца) и исследовательской установке вскрыть уникальный принцип развития каждого исторически данного явления, исходя из его собственной цели и задачи в истории. Малозаметное место этого направления на фоне других гуманитарных идеологизированных течений гипотетически объясняется путаницей в историко-научной игре слов вокруг понятия «органического», а также тем, что органицисты не принимают участия в борьбе главных «партий» сциентистской или метафизической ориентации в умственных движениях своего времени, занимая позицию стороннего понимания. В качестве примера органического мышления 1880-х гг. рассмотрены и кратко охарактеризованы приемы понимающего письма в очерке Н.Н. Страхова «Воспоминания о поездке на Афон». Используя богатство языковых средств для выражения множества степеней и уровней понимания и, наоборот, непонимания, автор создал в очерке о путешествии многослойный герменевтический этюд. Здесь замысловато пересекаются картины природы и культуры, рассуждения, предназначенные для массового читателя (о смысле жизни монахов и монастырей), для своего ближайшего полемического собеседника Льва Толстого (о молитвенном опыте индивидуальной духовности) и, как бы попутно, для проверки в опыте личного понимания гипотезы о взаимной чуждости форм жизни Запада и Востока, секулярности и общинной религиозности.

Ключевые слова: герменевтическая традиция, органическая критика, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, русский органицизм, понимание.

Elena Motovnikova

ORGANIC PROGRAM IN THE HISTORY OF RUSSIAN HERMENEUTICS OF THE 19TH CENTURY

The thesis is advanced that the hermeneutic attitudes in the Russian philosophy in 19th century are expressed most fully and clearly in the program articles of Apollon Grigoriev and his followers in «organic criticism». The program of organic understanding is based on the rejection of any globally-theoretical explanatory schemes (Grigory Pomeranz called them «single-line theories»). It seeks to uncover in the course of the study the unique principle of the development of each historically

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01252 «Историческая память и историческое понимание: эпистемологические риски обращения к нарративу».

given phenomenon, proceeding from its own goal and purpose in history. The inconspicuous place of this trend among other humanitarian ideologized currents is hypothetically explained firstly by the confusion in the historical-scientific game of words around the concept of «organic». In addition, the fact played a role, that organicists, taking the position of outside understanding, do not take part in the struggle of the main «parties» of scientific or metaphysical orientation in the mental movements of their time. The techniques of an understanding letter in the Strakhov's essay «Memories of the trip to Athos» are considered and characterized as a hermeneutic example. The author has created a multi-layer hermeneutic etude in his travel essay, using the wealth of language means to express a multitude of degrees and levels of understanding and, conversely, misunderstanding — between the forms of life of the West and the East, secularity and communal religiosity.

Key words: hermeneutic tradition, organic criticism, Apollon A. Grigoriev, Nikolai N. Strakhov, Leo N. Tolstoy, Vasilii V. Rozanov, Yuri N. Govorukha-Otrok, Russian organicism, understanding.

Насколько я могу судить, самая внятно сформулированная программа в русской герменевтической традиции — это программа литературной органической критики XIX в., тесно связанная с органическим (в смысле целостно-телеологического саморазвертывания) пониманием истории и культуры (Гёте, Гердер, Шеллинг, Карлейль) и с философским органицизмом, восходящим к Аристотелевой телеологии. Ученичество и самостоятельные поиски русских шеллингианцев, среди которых наиболее заметны в истории русской философии кружок «любомудров» и Н.И. Надеждин, нашли, по-видимому, наивысшее развитие и наилучшее выражение в творчестве Ап. Григорьева, узлового персонажа этих философско-литературно-исторических пересечений, самобытного писателя-критика, автора множества идей, формулировок, отдельных понятий и текстов, парадигмальных для последующего органического мышления и письма. Григорьев действительно мыслил органически, в этом был его талант и призвание, с которыми он никогда не боролся, а наоборот, подключая свой поэтический дар, создал с их помощью удивительно живой язык для разговора об искусстве и об исторической жизни. Таковы его словесные находки, метафорические перлы, в свое время удивлявшие читателей, а затем настолько прижившиеся в литературоведческом словаре, что кажутся бывшими там всегда: *жизненная полнота, искренность и фальшь, новое слово, веяние, мирозерцание, историческое воззрение и историческое чувство, рождённость и деланность произведений (образов и идей), гениальная натура, художественная интуиция, отжившее, допотопное* и мн. др. Этот язык описания конкретной жизни художественного произведения, жанра, стиля, исторического события, героя, личности и других органических форм —

необходимая альтернатива сциентистским и абстрактно-метафизическим подходам и практикам, проявляющая себя постоянно в науке и в публицистике, но слишком часто не опознаваемая как таковая, как особая органическая традиция, не только рядовыми читателями, но и специалистами.

Несоразмерно скромное место органицизма в истории и современности гуманитарного знания, на мой взгляд, объясняется, главным образом, эффектом наложения на это понятие омонимичного вульгарно-социологического органицизма, так называемой «*органической школы*» в социальной науке и философии, где общественные системы, процессы и отношения рассматриваются по аналогии с *биологическими* системами и процессами. Критическое отношение к вульгарному социал-дарвинизму XIX в. продолжается в полемике с современной так называемой социобиологией, в которой тоже обнаруживается немало спорных редуционистских тенденций. В результате мы имеем в нашей Новой философской энциклопедии (2000 и 2010 гг. издания) статью об органицизме, где он трактуется фактически как системный холизм, только и исключительно в западном и только XX в. контексте, а в конце статьи объявляется умершим под натиском более актуального «популяционистского способа мысли» (статью для энциклопедии написал Борис Анатольевич Старостин, историк науки и биолог, и он постарался учесть новейшие экологические тенденции и установки наук о живом; скорее всего, Б.А. Старостин не успел познакомиться с творчеством русского биолога и философа-органициста Николая Николаевича Страхова).

Между тем русский органицизм, представленный фигурами А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Н.Я. Данилевского, Ю.Н. Говорухи-Отрока, В.В. Розанова, Л.П. Карсавина, М.М. Пришвина, Г.С. Померанца и других — не имеет ничего общего ни с редуционизмом, ни с материалистическими вульгаризациями. В главных программных статьях 1856–1858 гг. «О правде и искренности в искусстве» и «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» А.А. Григорьев сформулировал задачи органического истолкования произведений искусства, исходя из принципов автономности органического развития исторической жизни (объективное творчество), личности автора (субъективное творчество) и вечности идеальных законов жизни (идеалы красоты, добра и правды). Эти принципы, реализованные Григорьевым в собственных критических статьях, были подхвачены его последователями, о которых часто можно прочесть

в энциклопедиях и учебниках по истории литературной критики, что они — в частности, Страхов и Розанов, — находились под влиянием Григорьева, но о своей приверженности органической критике только *заявляли*, а на самом деле не работали в этой парадигме. Эти оценки, безусловно, не соответствуют действительности. Вызваны подобные суждения тем поверхностным анализом, который ищет прямых указаний и непосредственных совпадений в словах: раз Розанов и Страхов не пишут об *аромате* и *цвете* произведения, значит, они отступили от органической критики. На самом деле легко показать, что целый массив критических статей критиков-органицистов является продуктом работы григорьевских установок и приемов, а главное — что всё целостное творчество этих философических писателей и критиков реализовалось в русле органической критики (при этом повторяясь и повторять за другими в этой школе всегда считалось дурным тоном и слабостью).

Органицизм — это, используя метафору В.В. Розанова, «глубокое озеро» русской мысли, которого не замечают в плохо изученном «темном лесу» (Н.А. Бердяев) русской жизни XIX–XX вв. из-за шумных бурь, гремящих водопадов и железных потоков революционно-демократической, историко-материалистической, софийно-религиозной и прочих громких агрессивных парадигм нового теоретизма, сражающихся насмерть между собой и погребаящих на своем пути всякую сложность и многомерность литературной и, шире, творчески-мыслительной жизни. В интересах научной истины нам следует открыть и показать русскую герменевтику органической школы, как она присутствует в истории.

Так, например, если обратиться к статье Н.Н. Страхова (верного единомышленника и популяризатора Ап. Григорьева) «Воспоминание о поездке на Афон (1881 г.)», написанной в 1889 г. и опубликованной впервые в 1890 г.¹, то, читая этот очерк под определенным углом зрения, мы увидим в нем своеобразный герменевтический этюд, урок понимания и о понимании. Статья эта довольно хорошо известна благодаря ее упоминаниям в переписке Н.Н. Страхова с Л.Н. Толстым и в связи со спорами насчет страховской религиозности, происходившими еще при жизни и сразу после смерти философа. В данном случае эта известность и истолкованность имеет значение предпонимания, скорее мешающего пониманию из настоящего, а не из прошлого, где слова и понятия

---

¹ *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892.

«верующий» и «неверующий» имели не те же смысл и значение, что теперь. Однако при внимательном чтении статьи Н.Н. Страхова становится ясно, что не самый важный вопрос, которым следует задаться и который держал в голове сам автор, когда писал свои воспоминания, — скрыть или, наоборот, показать свою веру. Хотя и этот момент письма «под маской», своеобразной игры с любопытными читателями, как почитателями, так и строгими критиками, интересен и поучителен. Ю.Н. Говоруха-Отрок уловил то, что хотел показать в очерке Страхов, свою дистанцированность от монашеского состояния духа, — «жажда молитвы, но не молитва», как уточняет это умонастроение Говоруха-Отрок², но большинство не почувствовали и не поняли³. В этом очень просто написанном рассказе о поездке на Афон обнаруживается несколько более важных и интересных смысловых слоев. Слово «понимание» и его многочисленные синонимы употребляются в статье с десятками оттенков значений, причем сгруппированы они в частях и абзацах таким образом, что становится ясно — это не случайное словоупотребление, а продуманное, намеренное столкновение, сопоставление, виртуозное «развитие понятий».

Самый поверхностный, открыто заявленный во вступлении слой — понимание и оправдание красоты и цельности монашеской жизни. «Статья будет маленькая, и мне хочется только высказать одну мысль, о той радости, которую можно найти в монашестве и которая так и светилась в о. Макарии», — писал Страхов Толстому⁴. Этой своей цели автор достиг вполне — «Афон имел удивительный успех — конца не было похвалам»⁵. Однако главным адресатом «Воспоминаний» Страхова, «писателя для немногих», был сам Л.Н. Толстой, суровый критик современной церкви и монашества. Именно к нему в первую очередь обращены самые объемистые части очерка с рассуждениями о причинах непонимания современными секулярными людьми трудов и радостей монашеской жизни, о красоте истинной молитвы, как ее постиг

² Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

³ Подробнее об этом см.: Мотовникова Е.Н. Н.Н. Страхов и его ученики: герменевтические установки общения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 184—187; Мотовникова Е.Н. Под маской светского писателя // Шербакова М.И. (ред.) Светская и духовная словесность в России XVIII—XIX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 178—188.

⁴ Толстой Л.Н., Страхов Н.Н. Полное собрание переписки / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; Донсков А.А. (ред.); сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. М.; Оттава, 2003. С. 798.

⁵ Там же. С. 813.

автор во время афонского паломничества. На эту адресованность указывают в самом тексте «Воспоминаний» отсылки к Толстому как к известному авторитету в нравственных суждениях⁶, а также строки писем, написанных в дни работы над материалами очерка: «Много прочитал об Афоне, готовясь писать *впечатления*... Но я Вас не забываю, я вспоминаю об Вас каждый день...»⁷; «С великим трудом я кончил свою статью *Воспоминание об Афоне*. <...> Часто думал: что-то Вы скажете? Может быть, дадите строгий приговор?»⁸. И в этих опасениях Страхов не ошибся: великий друг не смог переступить через свои рационально-критические разоблачения: «...утверждение о том, что повторение десятки раз сряду одних и тех же слов может быть не отвратительно по своему безумно и кощунственно механическому отношению к Богу, мне очень противно»⁹.

Но и этой главной темой не исчерпывается программа анализа понимания в статье «Воспоминания о поездке на Афон». Важными и значительными в историческом и в биографическом контекстах предстают страховские размышления о межкультурном «взаимном непонимании», которого «еще много и в наш прогрессивный век, может быть, даже больше, чем в другие века»¹⁰, о понимании между Востоком и Западом (внутренний разговор с еще одним ближайшим другом, Н.Я. Данилевским, ушедшим в 1885 г.), о свойственной любознательным русским людям другой крайности — «отвлеченного понимания, на которой все вещи равны и нет уже ничего ни нового, ни великого, а все сливается в однообразном потоке вечности»¹¹. На протяжении статьи Н.Н. Страхов тщательнейше различает степени понимания — знания и представления, заведомые догадки и непосредственные чувства, поразительные впечатления и «ложные понятия» о непостижимом, объяснимое словами и «несколько» понимаемое...

На замечание В.В. Розанова об изысканности и сложной продуманности страховских текстов Н.Н. Страхов отвечал, что пишет просто и ясно. Простота и ясность «Воспоминаний» — результат глубокого самопонимания, философской рефлексии и изысканной языковой разработки тщательно отобранного материала личных воспоминаний. Помещенный в начало книги «Воспоминания

⁶ *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. С. 10, 41.

⁷ *Толстой Л.Н., Страхов Н.Н.* Полное собрание переписки. С. 622.

⁸ Там же. С. 805.

⁹ Там же. С. 816.

¹⁰ *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. С. 3.

¹¹ Там же. С. 5.

и отрывки» (1892) этот очерк выступает как программный текст зрелого писателя Н.Н. Страхова. И программность эта — именно герменевтическая: не поучать, но понимать себя и других, свой и чужие миры.

Литература

Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

Мотовникова Е.Н. Н.Н. Страхов и его ученики: герменевтические установки общения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 184—187.

Мотовникова Е.Н. Под маской светского писателя. // Щербакова М.И. (ред.) Светская и духовная словесность в России XVIII—XIX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 178—188.

Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. С.-Петербург: Тип. бр. Пантелеевых, 1892.

Толстой Л.Н., Страхов Н.Н. Полное собрание переписки / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; Донсков А.А. (ред.); сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. М.; Оттава, 2003.